

Азия: вызовы и перспективы

УДК 327(5-12)

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.06

Трансформация международных отношений в Восточной Азии в конце XX – начале XXI в.

Сергей Александрович ВЕРХОЛОМОВ

старший преподаватель кафедры истории и культурологии

Комсомольский-на-Амуре государственный университет

проспект Ленина, д. 27, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация, 681013

E-mail: verholomov_s@mail.ru

ORCID: 0009-0002-2194-8936

ЦИТИРОВАНИЕ: Верхоломов С.А. Трансформация международных отношений в Восточной Азии в конце XX – начале XXI в. // Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 2. С. 121–134. DOI: 10.31249/kgt/2024.02.06

Статья поступила в редакцию 30.01.2024.

Исправленный текст представлен 26.06.2024.

АННОТАЦИЯ. Автор рассматривает роль международных институтов и государств в преобразовании миропорядка в Восточной Азии в конце XX – начале XXI в. В работе отмечено, что в конце XX в. господствовала американская модель регионализации, осуществляемая в рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Однако в связи с изменением внешнеполитической доктрины США и Азиатским экономическим кризисом 1997–1998 гг. АТЭС в начале 2000-х годов стал уступать формату АСЕАН+, основанному на Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и ее партнерах, среди которых ведущие позиции занимала Япония. С середины 2000-х годов происходит усиление Китая за счет успешно проведенных экономических реформ и использования различных интеграционных площадок, в результате чего КНР начинает продвигать в реги-

оне собственную модель глобализации и регионализации, тем самым бросая вызов американскому порядку не только в Восточной Азии, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В конце 2000-х годов Вашингтон стремится вернуть утраченные позиции в регионе посредством продвижения интеграционного проекта Транстихоокеанского партнерства (ТТП), что усиливает борьбу между ведущими державами в господстве за регион. Вследствие этого в 2010-е годы АСЕАН и Япония разрабатывают проект Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), а Китай начинает продвигать организацию международного сотрудничества «Один пояс – один путь». В результате трансформации международных отношений, вызванной движением мира от однополярного к многополярному, происходит изменение преобразования геополитической

ситуации в Восточной Азии. США возвращаются к «традиционным» методам конфронтации, усиливая напряженность в регионе и мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АСЕАН, Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Транстихоокеанское партнерство (ТТП), регионализация, Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), интеграция, инициатива «Пояс и путь», ВТО, международные отношения.

В конце 1980-х годов на фоне высоких темпов интеграции в Европе (ЕС) и в Северной Америке (НАФТА) Азиатский регион выпадает из общих тенденций регионализации в мире. Восточноазиатские страны были обеспокоены дисбалансом в мировом развитии и продвижением американского и европейского регионализма со стороны США, тающих в себе угрозу экономической самостоятельности Восточной Азии. С целью укрепления общерегионального торгового и инвестиционного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе премьер-министр Австралии Боб Хоук (1983–1991) предложил создать азиатскую версию организации экономического сотрудничества.

В 1989 г. в Канберре страны Азиатско-Тихоокеанского региона собрались для обсуждения вопросов либерализации торговли и капиталовложений. Принятые на форуме решения легли в основу образования новой региональной организации – АТЭС, но принципы трансрегионального сотрудничества были разработаны и закреплены позже. В Богорской декларации (1994), Осокской програм-

ме (декларации) (1995), Манильских соглашениях (1996) определяется, что работа АТЭС основывается на односторонней либерализации, упрощении процедуры торговли и движения капиталов, укреплении сотрудничества в сфере высоких технологий между государствами АТР [Hsieh, 2013, p. 130].

В 1997 г. страны АТР подписали Ванкуверскую декларацию. В рамках данного документа ведущая роль в развитии интеграционных процессов в АТР отводилась Всемирной торговой организации (ВТО) и Международному валютному фонду (МВФ). Либерализация торговли должна была осуществляться на добровольной основе, за счет подписания многосторонних соглашений и развития модели многосторонней зоны свободной торговли¹. Приняв такое решение, страны-участники региональной организации лишили организацию правосубъектности, создав режим «слабый АТЭС – сильный ВТО», что открыло дорогу альтернативным интеграционным проектам [Vinod, Min, 2005], но США ее принимают не с целью развития азиатских интеграционных проектов, а для укрепления своей гегемонии.

После окончания холодной войны Азия стремилась играть более весомую роль в мировой политике и экономике, что не устраивало Вашингтон. Соединённые Штаты стремились переформатировать экономическую систему таким образом, чтобы торговые и инвестиционные потоки были направлены не из США в Азию, а наоборот, из Азии в США. Помимо этого, американское правительство видело в Японии и Китае угрозу своей гегемонии. Вашингтон посредством военной силы и принуждения не мог гаранти-

1 5th APEC Economic Leaders' Meeting 1997 – The Vancouver Framework for Enhanced Public-Private Partnerships in Infrastructure Development. – URL: <http://mddb.apec.org/Pages/BrowseLeadersDeclarations.aspx?Setting=browseLeadersDeclaration&DocType=%22Leaders%27%20Declaration%22> (дата обращения: 12.09.2023).

ровать свое превосходство, поэтому стал продвигать неолиберальную систему ценностей на международной арене через официальные структуры и организации, такие как ВТО, МВФ, Всемирный банк (ВБ), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), создавая институциональную структуру своего превосходства.

Странам Юго-Восточной Азии пришлось искать другие варианты сотрудничества, в том числе в рамках рамочного соглашения АСЕАН+3, неофициально начавшей свою работу в 1996 г. Неформальным лидером данного интеграционного проекта стала Япония, выступившая с критикой АТЭС. Токио не нравилось его положение в Восточной Азии, так как после окончания холодной войны он хотел играть более весомую роль в регионе. США всячески пресекал инициативу Японии в развитии регионализма в Азии, именно по этой причине Вашингтон поддерживал австралийский интеграционный проект. К тому же Японии не устраивало соглашение по сельскому хозяйству в рамках АТЭС. Развитые страны имели возможность защищать свои национальные отрасли промышленности от иностранной конкуренции. Свободная торговля, проводимая в рамках ВТО и АТЭС, способствовала тому, что выживали наиболее конкурентоспособные. А это могли сделать лишь крупные поставщики сельскохозяйственной продукции – концерны из США и Европы, субсидируемые государством. Поэтому мелкие производители не могли конкурировать с крупными концернами [Альтфатер, 2008]. Реформы на Филиппинах, проводимые под эгидой МВФ и ВТО, трансформи-

ровали самодостаточную сельскохозяйственную экономику страны в экономику, зависимую от импорта.

В 1997 г. на втором саммите АСЕАН+3 в Куала-Лумпуре (Малайзия) страны Юго-Восточной Азии приняли решение укреплять контакты в рамках азиатского проекта, включающего несколько направлений. Первое направление – развитие сотрудничества стран АСЕАН в бассейне реки Меконг (строительство железнодорожного сообщения из Сингапура в китайский Куньмин). Второе – расширение торговли товарами и услугами в регионе за счет снижения протекционистских пошлин. Третье – изучение последствий глобализации, проработка вопросов преодоления последствий Азиатского экономического кризиса 1997–1998 гг.²

И пока в рамках АТЭС в 1999 г. в Окленде (Новая Зеландия) обсуждались вопросы преодоления Азиатского экономического кризиса за счет усиления контроля над финансовым корпоративным и государственным секторами экономики, в Маниле прошел третий саммит (первый официальный с участием стран Северо-Восточной Азии – Китая, Республики Корея, Японии) АСЕАН+3. На нем страны Восточной Азии более продуктивно подошли к решению основных вопросов, в том числе в торговой, валютно-финансовой, социальной, научно-технической, культурной и информационной сферах. Были предложены различные площадки для укрепления сотрудничества между странами Восточной Азии: Большой Меконг, Восточноазиатский деловой совет, отраслевые деловые форумы. Участники договорились о формировании международной финан-

2 2nd APT Summit, 1997. Press Statement of the 2nd ASEAN Informal Meeting of Heads of State/Government of the Member States of ASEAN Kuala Lumpur, Malaysia, 15 December 1997. – URL: <https://aseanplusthree.asean.org/press-statement-of-the-2nd-asean-informal-meeting-of-heads-of-state-government-of-the-member-states-of-asean-kuala-lumpur-malaysia-15-december-1997/> (дата обращения: 12.08.2023).

совой архитектуры и совершенствовании механизмов финансовой помощи в условиях экономических кризисов в Восточной Азии в рамках АСЕАН+3³.

Манила показала, что страны Восточной Азии готовы и могут самостоятельно решать вопросы разного характера. На следующий год министры финансов АСЕАН+3 собрались в городе Чиангмай «для заключения серии двусторонних своп-соглашений. Смысл каждого из них – в договоренностях между центральными банками двух стран о возможном обмене (англ. – *swap*) национальной валюты на иностранную. Операции этого рода были предназначены для удержания курса национальной валюты либо решения краткосрочных проблем с ликвидностью при расчетах между странами региона» [Амиров, 2010, с. 51]. Чиангмайская инициатива не получила поддержки со стороны США и МВФ, так как, по мнению министра финансов США Лоуренса Саммерса и его заместителя Тимоти Гайтнера, региональный фонд смог бы подорвать деятельность западных международных институтов, но азиатские страны продолжили укреплять отношения в рамках сотрудничества АСЕАН+ [Ciorciari, 2011, p. 928].

В 2001 г. в Шанхае США попытались реанимировать АТЭС, приняв несколько важных решений. Сроки достижения целей Богорских соглашений для развитых и развивающихся стран были разделены. Участники конференции поддержали Чиангмайскую инициативу и Манильскую группу, но их реализация должна была проходить под контролем МВФ. Было принято решение развивать многостороннюю

торговую систему через реализацию электронных технических сертификатов, дающих право свободно перемещать товары и услуги в АТР⁴. В очередной раз Соединённые Штаты показали свою позицию по вопросу о развитии регионализма в Восточной Азии, где, по их мнению, он должен формироваться через сложившиеся международные организации ВТО и МВФ.

С изменением внешнеполитической доктрины США (на первый план выходит Ближний Восток) Восточная Азия перестает играть ведущую роль в регионе, поэтому АТЭС превращается в переговорную бизнес-площадку. К тому же Вашингтон был уверен, что он создал порядок, поддерживаемый многочисленными организациями и союзниками, но в итоге в восточно-азиатском регионе сформировался «политический вакуум», которым решила воспользоваться Япония, стремившаяся создать собственную международную систему в регионе.

Японское правительство хотело взять реванш за проигрыш США в борьбе за лидерство в восточно-азиатском регионализме, о чем свидетельствуют официальные документы⁵. На первом месте стояли не союзнические отношения и обязательства перед США, а азиатский регион с его проблемами и перспективами. Токио стремился восстановить международную репутацию, используя многочисленные ресурсы. Япония посредством конструирования восточноазиатского регионализма стремилась решить и свои экономические проблемы. После Азиатского экономического кризиса в Японии наступил период рецессии. Поэтому вос-

3 3rd APT Summit – Joint Statement on East Asia Cooperation, 28 November 1999. – URL: <https://aseanplusthree.asean.org/joint-statement-on-east-asia-cooperation-28-november-1999/> (дата обращения: 17.08.2023).

4 9th APEC Economic Leaders' Meeting 2001. – URL: <http://mddb.apec.org/Pages/BrowseLeadersDclarations.aspx?Setting=browseLeadersDclaration&Doctype=%22Leaders%27%20Declaration%22> (дата обращения: 17.09.2023).

5 Diplomatic Bluebook 2000–2006. – URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/index.html> (дата обращения: 20.09.2023).

точноазиатский регионализм рассматривался Токио как средство для проникновения и укрепления позиций японских ТНК компаний и их товаров на рынок развивающихся стран Азии [Oba, 2022, p. 4].

В 2002 г. между АСЕАН и Японией была подписана декларация о всеобъемлющем экономическом партнерстве. Согласно подписанному документу, Токио и страны ЮВА укрепляли отношения в различных областях (энергетике, бизнесе, транспорте и т. д.), снижали торговые пошлины, что должно было привести к росту экспорта из Японии в АСЕАН (20,022 млрд долларов, что эквивалентно 27%), из АСЕАН в Японию (20,63 млрд долларов, соответствует 44,2%)⁶.

В 2002 г. Япония стала инициатором обсуждения проекта продовольственной безопасности в регионе. Итогом работы второго совещания министров сельского и лесного хозяйства стран АСЕАН и министров сельского хозяйства Китайской Народной Республики, Японии и Республики Корея (AMAF+3) стал запуск пилотного проекта «Восточноазиатский чрезвычайный рисовый резерв»⁷. Работа в данном направлении еще больше укрепляла позиции Японии в регионе, так как продовольственная экспансия Запада подрывала традиционный уклад жизни государств восточноазиатского региона, а вместе с ним и экономический суверенитет.

В 2003 г. между странами ЮВА и Японией была подписана Токийская декларация. В ней стороны обозначили основные меры по укреплению партнерства Японии и АСЕАН в новом ты-

сячелетии. Согласно этому документу сотрудничество между Японией и государствами – членами Юго-Восточной Азии (ЮВА) должно было развиваться за счет укрепления всестороннего экономического партнерства в финансовой и валютной сферах, усиления взаимодействия в области безопасности (в борьбе с международным терроризмом), содействия развитию человеческих ресурсов, культурного сотрудничества и т. д.⁸

Мероприятия, проводимые Японией в регионе, способствовали продвижению идей азиатского экономического сообщества (Балийский саммит 2003 г.) и восточноазиатской политической идентичности (Куала-Лумпурский саммит 2005 г.) среди участников АСЕАН+3. Однако уже в 2006 г. Япония выступила с инициативой о приглашении новых участников (Австралии, Новой Зеландии, Индии) на переговоры по обсуждению плана развития восточноазиатского сообщества. Причина изменения модели поведения Токио на международной арене была вызвана усилением позиций КНР в Восточной Азии в середине 2000-х годов. Япония осознала, что в восточноазиатской группе государств уже доминировал Китай, и для решения этой проблемы следовало привлечь другие страны с целью снижения влияния Пекина в регионе. Пока Япония искала возможные варианты улучшения своих позиций в Восточной Азии, Китай постепенно перехватывал инициативу за счет реализации внешнеполитической доктрины, которая базировалась на следующих постулатах.

6 Diplomatic Bluebook 2003. – URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2003/index.html> (дата обращения: 12.09.2023).

7 2nd AMAF+3, 2002. – URL: <https://aseanplusthree.asean.org/joint-press-statement-of-the-second-meeting-of-the-asean-ministers-of-agriculture-and-forestry-and-the-ministers-of-agriculture-of-the-peoples-republic-of-china-japan-and-the-republic-of-korea-amaf/> (дата обращения: 13.09.2023).

8 Diplomatic Bluebook 2005. – URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2005/index.html> (дата обращения: 14.08.2023).

Во-первых, внешняя политика Китая основана на многостороннем подходе, где переговоры и заключение договорных отношений осуществляются не только по принципу АСЕАН+, но и с каждым отдельным государством. Пекин использует различные площадки для укрепления сотрудничества со странами ЮВА и СВА, поэтому Китай участвует практически во всех интеграционных проектах: АТЭС, АСЕАН+, ВАС и т.д. Именно об этом впоследствии писал министр обороны США Э. Картер, отмечая, что Китай давно извлекает выгоду из региональных принципов и систем, над установлением и поддержанием которых работали другие страны, включая Соединённые Штаты. Пекин иногда играет по своим правилам и подрывает эти принципы [Carter, 2016].

Во-вторых, Пекин использует недостатки и преимущества международных и региональных площадок в своих целях. Китай понимает, что «путь АСЕАН» с его упором на невмешательство в суверенитет прекрасно вписывается в подход КНР во внешней политике. Страны ЮВА не могут разработать единые механизмы, обязывающие к их исполнению, что облегчает работу Китая на международной арене по усилению своего влияния в регионе.

В-третьих, большую роль в продвижении Китая на международной арене сыграли структуры ВТО. Благодаря тому, что Пекин в 2001 г. вступил в ВТО, в 2002 г. удалось заключить соглашение об экономическом сотрудничестве АСЕАН и Китая. Согласно подписанному документу в течение 10 лет (2003–2013) между странами АСЕАН и КНР должна была произойти постепенная отмена тарифных и нетарифных барьеров, осуществлена прогрессивная либерализация торговли услугами и инвестициями. Для обеспечения соглашения правовыми инструментами

АСЕАН и Китай включили серию договоров. В 2004 г. было подписано соглашение о торговле товарами, в 2007 г. – соглашение о торговле услугами, в 2009 г. – Инвестиционное соглашение, а 1 января 2010 г. вступило в силу соглашение о создании свободной зоны торговли между Китаем и АСЕАН (ACFTA) [ASEAN-China..., 2012, р. 12]. Всё это привело к тому, что объем торговли между Пекином и странами ЮВА вырос с 8 млрд в 1991 г. до 472,2 млрд долларов в 2015 г., что сделало Китай крупнейшим торговым партнером АСЕАН, а АСЕАН – третьим по величине партнером для Китая [Zhang, Wang, 2016].

В-четвертых, большую роль в развитии отношений между Китаем и государствами Юго-Восточной Азии сыграла полунеофициальная дипломатия. Китай выстраивал отношения с соседями не только через официальные каналы (министерства, торговые представительства, на уровне официальных политических элит и т.д.), но и через многочисленную диаспору китайцев, проживающих (или имеющих бизнес) на территории государств АСЕАН.

В-пятых, правительство США при президенте Дж. Буше-младшем не уделяло внимания укреплению связей со странами Юго-Восточной Азии. Вашингтон отказался принимать участие в Восточноазиатском саммите в 2005 г., пропустил встречу АРФ (асеановский форум по безопасности) в 2005–2007 гг., отложил саммит АСЕАН – США в 2007 г. Политика США в регионе отразилась и на модели поведения западных компаний. Американские корпорации отказывались работать в странах и городах, где было невыгодно и небезопасно. Пекин же после проведенных структурных реформ в экономике и создания крупных полугосударственных корпораций наоборот наращивал свое экономическое присутствие в странах АСЕАН. Такая политика создавала устойчивые

экономические связи между странами, а также укрепляла имидж Китая в Восточной Азии.

Немаловажную роль в укреплении международного авторитета КНР сыграла политика Китая по реорганизации экономики, которая привела к структурным изменениям. В 1997 г. лидер КНР Цзянь Цзиминь, выступая на XV съезде партии, резюмировал новую политику лозунгом «хватаясь за большое и отпуская малое». Программа руководства партии сводилась к избавлению от тысяч мелких и неэффективных предприятий и созданию вместо них промышленных гигантов. К январю 1998 г. правительство выбрало первую партию из 512 предприятий, предназначенных для расширения в конгломераты, которые получали привилегии в виде льготных кредитов, фондов развития и других форм государственной поддержки. Благодаря такой политике появились промышленные гиганты – *China Telecom* (1997), *PetroChina* (2001), *China Unicom* (2001), *Sinopec* (2001) и т.д. В результате слияний и поглощений было уволено 13 млн человек. [Dikötter, 2022, p. 212–213]. При этом руководство Китая приняло решение перенести часть производства в страны АСЕАН, в том числе с целью снижения издержек производства и в связи с ростом заработной платы китайских рабочих, поскольку страны АСЕАН специализировались на производстве более технологически простой продукции с более низкой добавленной стоимостью [Целищев, 2012, с. 30]. Это позволило катализировать процесс формирования рассеянного фабричного производства в Восточной Азии, где отдельные промышленные узлы международного разделения были представлены в государствах Юго-Восточной

Азии, а Китай превращался в мировой конвейер. А вместе с этим ту политику, которая попыталась организовать Япония, реализовывал Пекин, в результате чего инициативу по построению регионализма перехватил Китай.

Ситуация в регионе стала меняться в конце 2000-х годов, когда США осознали, что с течением времени они потеряли существенные позиции в Восточной Азии. Гегемонистские амбиции Китая в регионе, поддерживаемые сотрудничеством с АСЕАН+3, бросили вызов американскому миропорядку. В 2009 г. американский президент Б. Обама в Токио заявил о том, что США должны увеличить свое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С этой целью Вашингтон провел саммит АСЕАН – США (2009), министерскую встречу США – Нижний Меконг (2009), заключили рамочное соглашение с восточно-азиатскими странами, что положило начало вступлению Вашингтона в работу Восточноазиатских саммитов (ВАС).

Администрация Б. Обамы повысила свой интерес к многочисленным и многосторонним институтам в Восточной Азии. Вместе с этим США имели отличный от стран АСЕАН подход к сложившимся международным институтам. АСЕАН+ делал упор на неформальность, консенсус, взаимную поддержку, поэтому он получил название «управляемый процесс». В США внешнеполитическая стратегия основывалась на достижении конкретных, прагматичных целей. Не зря госсекретарь США Х. Клинтон заявила в 2010 г., что «деятельность региональных групп должна быть мотивирована конкретными, практическими соображениями. Важнее иметь организации, которые приносят результаты, а не просто создавать новые организации»⁹.

9 Remarks on Regional Architecture in Asia: Principles and Priorities, by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, Honolulu, Hawaii, 12 January 2010. – URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135090.html> (дата обращения: 17.02.2023).

В целях реанимации АТЭС, структур ВТО и своих позиций в Восточной Азии США активно начали продвигать Соглашение о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве (ТТП). Соглашение было подписано в 2006 г. между Брунеем, Чили, Новой Зеландией и Сингапуром. В 2008 г. США присоединились к переговорам об инвестициях и финансовых услугах. В 2010 г. администрация Б. Обамы взяла на себя обязательство руководить переговорным процессом. На саммите АТЭС в 2011 г. участники ТТП достигли соглашений, которые определили специфику организации.

Транстихоокеанское партнерство – это открытая зона свободной торговли, акцентирующая внимание не на участниках соглашения, а на создании платформы для либерализации торговли между крупнейшими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Переговорная площадка ТТП должна была способствовать развитию АТЭС, на основе которой будет создана американская зона свободной торговли в Восточной Азии¹⁰. С началом работы ТТП и активизации работы АТЭС многие страны АСЕАН стали искать сотрудничества с США. Они были взволнованы ростом могущества Китая в регионе, который использовал различные интеграционные площадки в Восточной Азии для лоббирования своих интересов. С 2008 по 2013 г. соглашение подписали Вьетнам, Сингапур, Бруней, Малайзия, Япония, объявили о заинтересованности проектом Филиппины,

Тайвань, Южная Корея, Таиланд, Индонезия.

Дальнейшая разработка мероприятий по реализации плана работы ТТП столкнулась с проблемой внутренней сплоченности АСЕАН. Государства Юго-Восточной Азии, не присоединившиеся к Транстихоокеанскому партнерству, были обеспокоены негативными последствиями, с которыми может столкнуться их промышленность после вступления в силу соглашения. Министр торговли Индонезии Гита Вирджаван заявил, что в среднесрочной перспективе Джакарта сможет пересмотреть свое участие в ТТП, пока не будет определена готовность отечественной промышленности конкурировать на равных с другими участниками соглашения¹¹. Министр иностранных дел Таиланда Сурапонг Товичакчайкул выразил готовность присоединиться к договору после изучения всех условий и деталей соглашения, а также потенциальных рисков, которые несет проект¹². Министр торговли Филиппин Грегори Доминго заявил, что вступление в силу соглашения требует от Филиппин проведения политических реформ, в том числе снижения уровня государственного регулирования, что несомненно несет риски для промышленности страны¹³.

Опасения азиатских стран базировались не на пустых слухах и субъективных мнениях. За время подписания Ванкуверской декларации, открывающей дорогу альтернативным интеграционным проектам, количество преференциальных торговых согла-

10 19th APEC Economic Leaders' Meeting. – Honolulu, Hawaii, USA, November 12–13, 2011. – URL: http://mddb.apec.org/Pages/BrowseLeadersDeclarations.aspx?Settin_g=browseLeadersDeclaration&DocType=%22 Leaders%27%20Declaration%22 (дата обращения: 14.08.2023).

11 Jakarta Post. – 2011. – 26 June. – URL: <http://www.thejakartapost.com/news/2011/06/26> (дата обращения: 13.07.2022).

12 An option as the TPP // Nihon Keizai Shimbun. – 2011. – 29 January. – URL: <https://www.rieti.go.jp/en/china/11031502.html> (дата обращения: 14.08.2023).

13 Govt to extend EO to keep zero tariffs on wheat imports. – URL: <https://piadispatch.blogspot.com/2010/09/> (дата обращения: 08.09.2022).

шений увеличилось с 1 в 2000 г. до 45 в 2009-м, что значительно усложняло процесс контроля США над регионом, так как торговые соглашения между странами Восточной Азии выходили за рамки АТЭС и ВТО. Поэтому ТТП является новейшим воплощением Азиатско-Тихоокеанского соглашения о свободной торговле, первоначально предусмотренного четверть века назад во время создания форума АТЭС. Транстихоокеанское партнерство задумано как политический сигнал, символизирующий о «возвращении» США в Азию, а вместе с этим о восстановлении структуры экономического принуждения через институализацию многосторонних торговых договоров в формате ТТП, что устраивало прежде всего США [Camroux, 2015, p. 109].

В связи с этим, а также с целью сохранения и укрепления своего влияния в Восточной Азии Япония и Китай создают альтернативные варианты сотрудничества.

По инициативе Японии в 2012 г. в Камбодже было принято решение о начале реализации соглашения о Зоне свободной торговли +, которое постепенно привлекло внимание других участников Азиатского региона, что в итоге привело к подписанию Соглашения о всестороннем региональном экономическом партнерстве. В целом степень либерализации в рамках ВРЭП не такая глубокая, как в ТТП, но с точки зрения экономического масштаба она намного больше. На 15 стран, входящих в региональное партнерство, приходилось 29% мирового ВВП, 25% мировой торговли и население 2,3 млрд человек, в то время как на 11 стран, входящих в Транстихоокеанское партнерство, приходилось 13% мирового ВВП, 14% мировой торговли и население 507,7 млн человек. Кроме того, ожидалось, что ВРЭП придаст новый импульс внутрирегиональной торгов-

ле и укрепит производственно-сбытовые цепочки между странами «плюс три». Тем не менее следует отметить, что многосторонние региональные площадки и институты, сложившиеся в Восточной Азии под руководством АСЕАН – ВАС, совещание министров обороны АСЕАН, АРФ и т.д. не смогли бы справиться с задачей сохранения порядка в связи с перераспределением власти в восточноазиатском регионе [Pant, Joshi, 2016, p. 106].

В 2013 г. Китай начал работу над инициативой «Пояс и путь» (ИПП). Пекин стремился создать собственную многостороннюю структуру международной торговли в Восточной Азии, так как хотел выйти из-под опеки США. Именно по этой причине Пекин отказывался присоединиться к ТТП. Изначально в центре его внимания были Юго-Восточная Азия, Центральная Азия, Южная Азия и Южная часть Тихого океана, но с течением времени приоритеты Пекина между этими субрегионами и внутри них менялись. Первоначальный акцент на проектах в Центральной Азии был быстро вытеснен программами в Южной и Юго-Восточной Азии.

В Юго-Восточной Азии официальные проекты ИПП были сосредоточены преимущественно в Камбодже, Индонезии, Лаосе, Филиппинах и Вьетнаме. Пик китайских инвестиций в Юго-Восточную Азию пришелся на 2017 г., когда в субрегионе было запущено почти в 6 раз больше проектов по сравнению с 2013 г. В период с 2013 по 2015 г. большинство проектов ИПП касались транспортной и энергетической инфраструктуры. С 2016 г. они были диверсифицированы и включали особые экономические зоны и торговые соглашения со странами-получателями [Asia-Pacific..., 2023, p. 92–93]. Политика Китая отразилась на дипломатических предпочтениях стран АСЕАН, тем самым усилив борьбу

за регион между ведущими государствами США, Китая, Японии.

С приходом к власти Д. Трампа США объявили о выходе из соглашения о Транстихоокеанском партнерстве. Решение американского президента не присоединиться к ТПП не стало неожиданностью. Во время своей предвыборной кампании он выступал против международных торговых сделок, обвиняя их в потере рабочих мест и разрушении национальной промышленности¹⁴. Если же посмотреть на проблему с другой стороны, то можно найти и ряд других причин, которые побуждали Д. Трампа выйти из соглашения.

Б. Обама вступил в переговорный процесс о присоединении США к Транстихоокеанскому партнерству с целью экономического сдерживания Китая на просторах Восточной Азии. Но Вашингтон так и не сумел укрепить свои позиции в торговле со странами Юго-Восточной Азии.

Д. Трамп полагал, что соглашение ТТП принесло бы больше пользы Китаю, нежели США. По мнению американского президента, Пекин действовал более агрессивно на различных площадках и организациях, используя двухсторонние и многосторонние соглашения для укрепления своих позиций. Американский президент выбрал путь торговой войны с Поднебесной, направленной на борьбу с прямыми инвестициями и высокотехнологичными товарами из Китая¹⁵.

США боялись повторения ситуации 2001 г., когда Китай вступил в ВТО и вместо укрепления позиций американских компаний на азиатском рынке произошел обратный процесс. Китайское правительство оказывало всесто-

ронную помощь своим предприятиям в виде субсидий и госзаказов, что давало им неоспоримое конкурентное преимущество на мировом рынке [Chow, Sheldon, McGuire, 2018, p. 60].

Для борьбы с Китаем США разработали стратегию, получившую название «Вовлеченность 2.0.». [The struggle..., 2020, p. 50]. Она включала в себя несколько пунктов:

1. Разработка Индо-Тихоокеанской стратегии, в которой Китай был объявлен главным соперником, а мир разделен на тех, кто поддерживает свободный Индо-Тихоокеанский регион с США, и Китай с программой «Пояс и путь».

2. Расширение экономического присутствия США в мире – партнерство умных городов США и АСЕАН, продвижение двухсторонних и многосторонних торговых переговоров в Азии (включая ВРЭП).

3. Укрепление позиций союзников и партнеров Соединённых Штатов в регионе. Для этого необходимо было использовать любые противоречия (Южно-Китайское море, ядерная программа Северной Кореи, тайваньская проблема и т. д.) в Восточной Азии.

4. Укрепление американских политических и экономических институтов. Для снижения уязвимости как внутри страны, так и за рубежом Вашингтон скорректировал информационные образовательные и научные программы.

5. Определение взаимных интересов США и Китая на международной арене для снижения градуса международной напряженности.

С приходом к власти Дж. Байдена для противодействия китайской экономической и цифровой экспансии США

14 Trump withdraws from Trans-Pacific Partnership amid flurry of orders. – URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/jan/23/donald-trump-first-orders-trans-pacific-partnership-tpa> (дата обращения: 12.11.2023).

15 Trump's China strategy is the most radical in decades – and it's failing. – URL: <https://www.vox.com/world/2018/9/18/17790600/us-china-trade-war-trump-tariffs-taiwan> (дата обращения: 21.11.2023).

инициировали создание новых международных организаций, что соответствовало политике противостояния. Во-первых, начала работу инициатива по развитию инфраструктурных проектов для стран с низким и средним уровнем дохода, являющаяся альтернативой «Пояса и пути», получившая название «Построим лучший мир» (B3W). Во-вторых, в 2019 г. был запущен совместный проект США, Японии и Австралии «Сеть голубых точек» (BDN), получивший развитие в рамках инициативы «Партнерство в интересах глобальной инфраструктуры и инвестиций» (PG2). В-третьих, Дж. Байден в 2022 г. выступил с инициативой создания Индо-Тихоокеанской экономической системы (IPEF), которая противодействовала бы росту китайского влияния в регионе. В-четвертых, США придают большое значение экономическому форуму АТЭС и региональной организации АСЕАН в будущем для укрепления своего влияния в Восточной Азии¹⁶.

В результате геополитического сдвига, вызванного сменой американской внешнеполитической доктрины, усилением Японии, АСЕАН и Китая, в регионе происходит трансформация международных отношений. Американская модель регионализации постепенно заменяется на японо-асиановскую и китайскую. При этом Пекин с конца 2000-х годов бросает вызов сложившемуся в Восточной Азии миропорядку. Поэтому американское правительство совершило разворот во внешней политике в Азию (Б. Обама), пошло по пути открытого соревнования и конкуренции (Д. Трамп) и политики противостояния с КНР (Д. Байден), используя экономические и внешнеполитические инструменты.

По мнению отечественных и зарубежных исследователей, в будущем процесс развития международных организаций, интеграционных площадок, региональных проектов будет не столь разнообразен, не регламентирован и не институализирован. Многие стороны займут выжидательную позицию, так как, помимо США и Китая, в борьбу за Восточную Азию вступают и другие ведущие игроки (Индия, Россия, Великобритания). К тому же на обстановку в регионе будут оказывать влияние многочисленные международные организации (ВТО, МВФ, ВБ, ООН, QUAD, AUKUS, ИПП), а также смещение фокуса противостояния в сферу высоких технологий.

Список литературы

Альтфатер Э. Продовольственный кризис // Скепсис. – 2008. – URL: http://scepsis.net/library/id_2042.html (дата обращения: 12.10.2016).

Амиров В.Б. Истоки и эволюция Чиангмайской инициативы // Международная жизнь. – 2010. – № 10. – С. 49–55.

Целищев И.С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация. – Москва : ИМЭМО РАН, 2012. – 118 с.

ASEAN-China free trade area. Challenges, opportunities and the road ahead / ed. by K.E. Flick, K.M. Kemburi. – Singapore : Nanyang Technological University, 2012. – 133 p.

Asia-Pacific regional security assessment 2023. Key developments and trends. – London : International Institute for Strategic Studies (IISS), 2023. – 165 p.

Camroux D. Regionalism in Asia as disguised multilateralism: a critical analysis of the East Asia summit and the Trans-Paci-

16 National security strategy of the United States. – Washington: The White House, 2022. – 47 p.

fic Partnership // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. – 2015. – Vol. 47, N 1. – P. 97–115. – DOI: 10.1080/03932729.2012.655010.

Carter A. The Rebalance and Asia-Pacific security: building a principled security network // *Foreign Affairs*. – 2016. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-10-17/rebalance-and-asia-pacific-security> (дата обращения: 13.10.2022).

Chow C., Sheldon I., McGuire W. How the United States withdrawal from the Trans-Pacific partnership benefits China // *Journal of Law & Public Affairs*. – 2018. – Vol. 4, N 1. – P. 37–80. – DOI: 10.2139/ssrn.3228007.

Ciorciari J.D. Chiang Mai initiative multilateralization: international politics and institution-building in Asia // *Asian Survey*. – 2011. – Vol. 51, N. 5. – P. 926–952. – DOI: 10.1525/as.2011.51.5.926.

Dikötter F. China after Mao. The rise of a superpower. – London : Bloomsbury, 2022. – 396 p.

Hsieh P.L. Reassessing APEC's role as a trans-regional economic architecture:

legal and policy dimensions // *Journal of International Economic Law*. – 2013. – Vol. 16, N 1. – P. 119–158. – DOI: 10.2139/ssrn.2101759.

Oba M. Japan and the regional comprehensive economic partnership (RCEP) // *ERIA. Discussion Paper Series*. – 2022. – N 461. – P. 1–31.

Pant H.V., Joshi Y. The US pivot and Indian foreign policy: Asia's evolving balance of power. – London : Palgrave Macmillan, 2016. – 163 p.

The struggle for power U.S. – China relation in the 21st century / ed. by L. Bitounis, J. Price. – Washington : Aspen institute, 2020. – 173 p.

Vinod K.A., Min G.K. The evolution of APEC and ASEM: implication of the new East Asian bilateralism // *European Journal of East Asian Studies*. – 2005. – Vol. 4, N 2. – P. 233–262.

Zhang Y., Wang Y. ASEAN in China's grand strategy. – Beijing : Chinese Academy of Social Sciences, 2016. – 18 p. – URL: https://www.eria.org/ASEAN_at_50_4A.9_Zhang_and_Wang_final.pdf (дата обращения: 12.10.2023).

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.06

The Transformation of International Relations in East Asia at the End of the XX – Early XXI Centuries

Sergey A. VERKHOLOMOV

Senior Lecturer, History and Cultural Study Department

Komsomolsk-na-Amure State University

Lenin Street, 27, Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation, 681013

E-mail: verholomov_s@mail.ru

ORCID: 0009-0002-2194-8936

CITATION: Verkhomolov S.A. (2024). The Transformation of International Relations in East Asia at the End of the XX – Early XXI Centuries. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 2, pp. 121–134 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.02.06

Received: 30.01.2024.

Revised: 26.06.2024.

ABSTRACT. *The author examines the role of various institutions and countries in the transformation of the world order in East Asia during the period of the late XX – early XXI centuries. The work notes that at the end of the XX century, the American model of the regionalization process, carried out within the framework of Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), dominated. However, due to the changes in the US foreign policy doctrine and the Asian economic crisis of 1997–1998, APEC, in the early 2000s, began to give way to ASEAN+, where Japan occupied the leading position. Since the mid-2000s, China has been strengthening due to successfully carried out economic reforms and the use of various integration platforms. As a result, China began to promote its own model of globalization and regionalization in the region, which challenged the American order not only in East Asia, but also in the Asia-Pacific region. In the late 2000s, Washington sought to regain lost positions in the region*

by promoting the Trans-Pacific Partnership integration project, which intensified the struggle between the leading powers for dominance in the region. As a result, in the 2010s, ASEAN+ and Japan are developing the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) project, China is beginning to promote the Belt and Road international cooperation organization. As a result of the transformation of international relations caused by the movement of the world from unipolar to multipolar, there is a change in the transformation of the geopolitical situation in East Asia. The United States returned to the «traditional» methods of confrontation, increasing tension in the region and the world.

KEYWORDS: ASEAN, Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), Trans-Pacific Partnership (TPP), regionalization, Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), integration, Belt and Road, WTO, international relations.

References

- Altfather E. (2008). The food crisis. *Skepticism*. Available at: http://scepsis.net/library/id_2042.html, accessed 12.10.2016.
- Amirov V.B. (2010). The origins and evolution of the Chiang Mai Initiative. *International Affairs*. No. 10, pp. 49–55 (in Russian).
- ASEAN-China... (2012). Flick K.E., Kemburi (eds.). *ASEAN-China free trade area. Challenges, opportunities and the road ahead*. Singapore: Nanyang Technological University, 133 pp.
- Asia-Pacific ... (2023). *Asia-Pacific regional security assessment 2023. Key developments and trends*. London: International Institute for Strategic Studies (IISS), 165 pp.
- Camroux D. (2015). Regionalism in Asia as disguised multilateralism: a critical analysis of the East Asia summit and the Trans-Pacific Partnership. *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. Vol. 47, no. 1, pp. 97–115. DOI: 10.1080/03932729.2012.655010.
- Carter A. (2016). The Rebalance and Asia-Pacific security: building a principled security network. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-10-17/rebalance-and-asia-pacific-security>, accessed 13.10.2022.
- Chow C., Sheldon I., McGuire W. (2018). How the United States withdrawal from the Trans-Pacific partnership benefits China. *Journal of Law & Public Affairs*. Vol. 4, no. 1, pp. 37–80. DOI: 10.2139/ssrn.3228007.
- Ciorciari J.D. (2011). Chiang Mai initiative multilateralization: international politics and institution-building in Asia. *Asian Survey*. Vol. 51, no. 5, pp. 926–952. DOI: 10.1525/as.2011.51.5.926.
- Dikötter F. (2022). *China after Mao. The rise of a superpower*. London: Bloomsbury, 396 pp.
- Hsieh P.L. (2013). Reassessing APEC's role as a trans-regional economic architecture: legal and policy dimensions. *Journal of International Economic Law*. Vol. 16, no. 1, pp. 119–158. DOI: 10.2139/ssrn.2101759.
- Oba M. (2022). Japan and the regional comprehensive economic partnership (RCEP). *ERIA. Discussion Paper Series*. No. 461, pp. 1–31.
- Pant H.V., Joshi Y. (2016). *The US pivot and Indian foreign policy: Asia's evolving balance of power*. London: Palgrave Macmillan, 163 pp.
- The struggle... (2020). Bitounis L., Price J. (eds.). *The struggle for power U.S. – China relation in the 21st century*. Washington: Aspen institute, 173 pp.
- Tselishchev I.S. (2012). *East Asia: a new wave of growth and structural transformation*. Moscow: IMEMO RAS, 118 pp. (in Russian).
- Vinod K.A., Min G.K. (2005). The evolution of APEC and ASEM: implication of the new East Asian bilateralism. *European Journal of East Asian Studies*. Vol. 4, no. 2, pp. 233–262.
- Zhang Y., Wang Y. (2016). *ASEAN in China's grand strategy*. Beijing: Chinese Academy of Social Sciences, 18 pp. Available at: https://www.eria.org/ASEAN_at_50_4A.9_Zhang_and_Wang_final.pdf, accessed 12.10.2023.